

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Кама и Урал

Очерки и впечатления

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Кама и Урал: Очерки и впечатления / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 636 с.

ISBN 978-5-519-99079-0

ISBN 978-5-519-99079-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

К А М А

(рѣка былыхъ легендъ).

I.

Лодманъ Терентій.

Жарко такъ, что капитапская собака давно растянута у рубки лапами кверху и языкъ высухла. Чуть глядитъ и то какъ-то въ полглаза! Палуба пуста. Народъ точно смело. Кто подъ тентомъ кортится на узенькихъ скамейкахъ, заваленныхъ узлами, заставленныхъ сундуками, пестрыми петлужскими ларчиками, какимъ-то кульемъ. Кто сползъ въ трюмъ и отводитъ душу въ прохладѣ, не смущаясь сосѣдствомъ бочекъ съ нефтью и какихъ-то затѣйливыхъ посудинъ съ ворванью, кто къ матросамъ въ каюту забрался. Только двое татаръ подставляютъ солнцу свои, расшитыя золотомъ, тюбетейки, да красноуфимскій мулла засидѣлся на кормѣ, точно наблюдая, какіе узоры бѣлой пѣны разводятъ на водѣ колеса быстро бѣгущаго парохода. Татаръ, видимо, проняло. Потъ такъ и льетъ, лица раскраснѣлись, глаза жмурятся. Рубаха на груди растегнулась, ноги босы. Затылки, должно быть, подъ солнцемъ накалились, какъ мѣдныя кострюли на очагѣ.

Вообще парить такъ, что даже матросы словно замерли. Едва ноги передвигаютъ, на что ужъ народъ привычный.

— Жара, точно въ Якутскѣ!—замѣчаетъ капитапъ.

Это высокій парень съ громадными лопатками и горломъ, кажется, только для того и созданнымъ, чтобы до смерти оглушать остальное человѣчество. Другой такой экземпляръ развѣ между архіерейскими протодыконами найдешь. Грудь—колесомъ, глаза выкатились, точно треснуть хотятъ, борода и волосы, должно быть, гребенки

не вѣдали и не вѣдаютъ. Лицо — изъ самаго прочнаго выростка.

— Экъ вы хватили, — въ Якутскѣ! — лѣниво замѣчаетъ кто-то.

— А вы думали сѣверъ, Сибирь? Да тамъ лѣтомъ такое тепло, что народъ по почамъ сѣно косить. Я тамъ двѣнадцать лѣтъ пробылъ, — миѣ-ли не знать?

На рубкѣ подъ тепломъ попрохладнѣе; къ тому-же наверху: отъ движенія парохода вѣтромъ обвѣваетъ. А все-таки жарко.

— Чортъ этихъ дамъ носить сюда! — негодуетъ капитанъ.

— А что?

— Разоблачился-бы по простотѣ души, да и только. Въ одномъ бѣльѣ — расчудесное дѣло. Вы думаете, легко съ утра выстоять?

Я полагаю, что и дама, бывшая наверху, рада-бы разоблачиться. Раскисла вся, безпомощно переводитъ глаза съ одного на другого, даже пальцы врозь разставила — авось попрохладнѣй будетъ. По образу и подобию толстыхъ коровъ фараоновыхъ сложена. Изъ плеча — окорокъ выкроишь, шея — точно у здороваго ребенка, вся складками, щеки — будто флюсомъ раздуло.

— Вы-бы, сударыня, впизъ сошли! — убѣждаетъ ее капитанъ. — Въ каютѣ теперь чудесно!

— Душно тамъ... моченьки моей пѣтъ... Опять же и офицеръ.

— Какой офицеръ?

— Да Богъ его знаетъ, откуда такой бозстрашный появился. Пугаетъ. Только у него и разговору, что о скоростижной кончинѣ. И то я ему графинъ водки выпоила.

Такъ ее и оставили въ покоѣ.

На небѣ ни единого облачка. Серебряныя искры чаекъ тонутъ въ яркой синевѣ. Волга стелется такою-же синью, по которой звѣздятся и рѣжутъ глаза солнечныя блики. Устаешь смотрѣть. Соломенные кровли деревушекъ изъ

правомъ берегу — точно золотыя стоятъ. Церкви такъ и вырѣзаются на верхушкахъ холмовъ. Зеленые облака яблочныхъ садовъ къ самой водѣ сползли и смотрятъ въ ея прозрачную поверхность.

На перерѣзъ бѣжитъ пароходишко, — облѣзый, ошмаркашый.

— Тоже пароходомъ зовется. Пороosenокъ!

— А что?

— Ни кожи, ни рожи... А капитаномъ тамъ клоунъ служить. Того и гляди — утопить!

— Кто же опредѣлилъ такого?

— У нихъ въ обществѣ все такъ. Наборщики есть... Богомазъ суздальскій, отставной трубачъ... А этотъ прежде въ циркѣ Морозова состоялъ — не понравилось, пошелъ на пароходъ капитаномъ. Тоже командуетъ! Начальство увеселяетъ. Съ рубки внизъ турманомъ порхнетъ и налогу перекувырнется. А то голову между погами просунетъ и ходитъ такъ по палубѣ. Ремесло свое забыть не хочетъ — все хлѣбъ на случай. Кто дѣло знаетъ — прочь отъ нихъ бѣжитъ. Эдакаго командира павяжутъ!

— А у васъ такого пѣтъ? — вступается дама.

— Клоуна-то? Господь хранилъ!

— Жаль... Я-бы посмотрѣла. Все пассажирамъ удовольствіе. У насъ мировой посредникъ одинъ — шпаги глотаетъ — первый гость! Всѣ его за это уважаютъ, а и теловѣкъ-то пьяница!

Волга передъ Камой не особенно широка. Устье близко. То и дѣло на насъ надвигаются караваны съ желѣзомъ изъ Лаишева, куда оно сплавляется на ярмарку съ верховьевъ Камы. Изъ Лаишева спускаютъ желѣзо по теченію на баркахъ, которыя у устья ждутъ кабестанныхъ пароходовъ, доставляющихъ вверхъ по Волгѣ эти грузы на Макарьевскую...

Вонъ одно такое громадное чудовище, съ двумя забѣжками, ползетъ прямо на насъ. Черное все, точно изъ трубы сейчасъ, грязное. Два маленькихъ пароходика-забѣжки, точно собаченки, сплываютъ передъ нимъ. То одинъ

завезетъ канатъ впередъ съ якоремъ. Сбросить его — другой конецъ каната на кабестанѣ. Паровая машина, что неистово пыхтитъ тамъ, паматываетъ его на валъ или воротъ — надвигается, такимъ образомъ, кабестанъ на якорь; другая собаченка-забѣжка уже вытянула впередъ второй канатъ съ якоремъ... Такимъ образомъ, медленно ползетъ впередъ это черное чуднще, влacha за собою десять, либо двѣнадцать пузатыхъ барокъ съ какими-то пестрыми пѣтушками на коротенькихъ штокахъ. На палубахъ барокъ сѣрый людъ толпится кучками.

— Нѣтъ бѣднѣй этого народа.

— Почему?

— А вотъ до ярмарки дойдетъ — домой пѣшкомъ, христовымъ именемъ питаюсь, вернется и, въ концѣ-концовъ, еще хозяину долженъ останется. Зимой опять хлѣбъ понадобится: коли хозяинъ не дастъ — помирай... Кабала! Самое это рукомесло подлое!

Чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ безобразныя массы кабестановъ чаще и чаще попадаютъ на встрѣчу. А у самаго берега — баржи съ солью прпвалили и стоять, — пароходовъ жлуть.

— Соль-пермячка! Поди, любимовская?

— Кокоревъ поятъ тамъ орудуешь; всѣ заводы подъ свою руку съ Губонинымъ они забрали!

— Ничего, на ярманку все свалать.

Рубка мало-по-малу пустѣла.

Убралась внизъ дама, напуганная офицеромъ, убрался и капитанъ, благо фарватеръ здѣсь извѣстный.

— А это про пародъ они правду говорятъ!

Оглядываюсь. Оказывается, безсловесный, до сихъ поръ, лоцманъ заговориль.

— А что?

— Да голѣ этихъ судовщиковъ, поди, и татарскаго байгуша (нищій) не найлешь. Точно, что мрутъ.

— Что же, другого дѣла нѣтъ у нихъ?

— Какъ не бывать — сеты! Сторона у нихъ заводская. привольная... Да они по Чусовой живутъ!

— Такъ что-жъ изъ этого?

— У нихъ такъ: кто на какой рѣкѣ осѣлъ, у того и промыселъ такой. На Чусовой — всѣ судовщики, пу, эти и питаются отъ барки! Которые изъ нихъ настоящіе хозяева, кондовые, тѣ сами строятъ, а эти въ бурлакахъ бѣгаютъ.

— Хлѣба цѣльнаго не видятъ! — замѣтилъ лодманскій ученикъ, стоявшій по другую сторону рулевого колеса.

Я только теперь обратилъ вниманіе на нашего вожака.

Такъ себѣ, небольшого роста, невзрачный мужиченко... Лицо сѣрое и самъ сѣрый весь... подслѣповатымъ кажется даже. Только потомъ замѣчаешь, какъ неотступно и зорко высматриваетъ онъ впередъ. На близкое разстояніе и не глядитъ — это привычка у него. Заговорите съ нимъ со стороны, онъ повернетъ къ вамъ лицо, а самъ все-таки черезъ вашу голову или мимо вдаль смотреть, куда-то въ сѣнь, въ воздухъ. И все глаза прищурены... Большею частью молчитъ, но если и разболтается — слово само собою, а глаза и руки свое дѣло дѣлаютъ.

— На свѣтѣ нужи много! — А рука поворачиваетъ колесо, и брови хмурятся: видимо, измѣненіе фарватера замѣтилъ.

— Не избыть ея! — Колесо въ противоположную сторону. — Кому это въ диковину, а нашему брату, рабочему человѣку, сплошь таково-то живетъ!

И опять прищурился прямо въ ослѣпительно-сверкающую солнечнымъ блескомъ излучину. Трудно даже уловить цвѣтъ его глазъ, хоть и блестятъ они сквозь полусомкнутыя рѣсницы.

Ночью или днемъ — онъ одинаковъ. Волга каждый годъ мѣняетъ свой фарватеръ, Кама еще капризнее; а лодманъ идетъ увѣренно, почти не ошибаясь — тутъ нужна чуткость дикаря американскихъ пустынь. Гдѣ сегодня пароходъ прошелъ свободно, въ слѣдующій рейсъ — песчаный перевалъ подъ водой, обмелѣетъ любое судно. Лодманъ все замѣчаетъ, по цвѣту воды, по зыби на пей, по желтоватымъ пятнамъ. Все ему сообразить надо: какіе

вѣтра за это время дули, куда воду песли, сколько воды было, и какъ она падаетъ. Началась мель—слѣди за ней каждый разъ: на сколько она наростетъ, въ какія стороны забрасываетъ свои песчаные языки, а если косою прямо въ русло выѣхала—какъ далеко остріе этой косы легло и въ какомъ направленіи. Новое теченіе себѣ рѣка прорываетъ — никому это невѣдомо, а лоцмана не обманетъ. Дно—онъ, точно ладонь свою, видитъ, всё выпуклости, гребни, морщинки на немъ ясны ему до того, что, умѣй онъ взять въ руки карандашъ, начертить бы вамъ безошибочно. Нынче вонъ подъ берегомъ словно быстро рѣка бѣжитъ—онъ уже высматриваетъ это теченіе, опредѣляетъ его предѣлы, силу... Значитъ, къ серединѣ мель будетъ, если вода сюда такъ яро ударила. Между двумя желтоватыми пятнами на водѣ голубая лента, извилистая; слѣди за ней, это — фарватеръ. А то и все вода синяя однообразно, да подъ самымъ носомъ парохода морщинки на водѣ чего-то трепещутся. Опасность — тутъ мелко, нужно мѣнять ходъ. Знай, какой колоритъ въ туманные и солнечные дни! Да днемъ-то ему еще съ лагеря. А вотъ ночь придетъ, да еще безлунная, беззвѣздная... Зорко онъ оглядываетъ берега.

— Они инстинктомъ берутъ!—серьезно сообщилъ мнѣ старикъ, лѣтъ сорокъ плавающій по Волгѣ.—Удивительно, какъ чутье развито у нихъ. Бывали такія ночи на Камѣ: вверху и внизу чернеть хоть глазъ выколи. А мели вездѣ новыя, потому засуха, вода быстро падаетъ; самъ знаешь, что поперекъ рѣки перекаты. Что-жъ бы вы думали — ничего не задѣнетъ, цѣлъ пройдетъ.

— Терентій! Ты, должно быть, чорту душу продалъ! — попробовалъ было пошутить пассажиръ одинъ съ нашимъ лоцманомъ.

— Экъ у тебя, точно почтовый колоколецъ, языкъ ясвѣстъ, что мелеть!.. Развѣ можно лоцману про чорта поминать, а какъ онъ меня сомущать начнетъ? Васъ же напорю на перекатъ. Уйди ты, Христа ради. А то за капитаномъ пошлю, чтобы онъ тебя внизъ уволокъ. На-

шего дѣла не знаешь Тутъ не во-время глазомъ мигнулъ—и пропало судно. Мелево несуразное!..—обидѣлся онъ.

— Ты думаешь, мы такъ, па-уру, полземъ?—уже потомъ, успокоившись, объяснялъ онъ.—Сами глядимъ да примѣчаемъ, да постоянно у Господа Бога про себя откровенія просимъ, чтобы Онъ, Всемогущій, ангела своего послалъ — народъ да хозяйскую посудину эту въ цѣлости соблюсти. Это, братъ, дѣло святое. На этотъ промыселъ идти нужно съ молитвой, а ты про чорта бухнулъ!

Прибавьте, какую память нужно имѣть лощману, чтобы за зиму не забыть двухъ или трехсотъ опасныхъ мѣстъ, да не только самыя мѣста, но и очертанія ихъ, и береговыя выпуклины, всякое угодые, по которому нужно сообразить о дальности или близости опаснаго пункта. Въ большинствѣ случаевъ (по крайней мѣрѣ камскіе лощманы) лощманъ не грамотеи, записывать ему некогда, да и не можетъ; все само должно уложиться въ головѣ. Какое напряженіе вниманія!

— Тутъ ничего нельзя забыть. Вонъ этотъ рубчикъ,—взмахнулъ онъ головой на полоску лѣса по одному изъ береговыхъ склоновъ,—пропустилъ—и на перекалъ нацарился. А въ верстѣ отсюда дерево есть, грозой его попортило, тамъ тоже мель, махонькая самая. А вонъ тамъ большой камень у воды—тоже примѣта наша.

Чуть только что-нибудь сомнительное, лощманъ приостанавливаетъ ходъ. Пароходъ начинаетъ идти тише и тише, пока впереди матросы шестомъ мѣряютъ воду. Но вотъ дно все глубже и глубже, опасность прошла.

— Скорый ходъ!—командуетъ капитанъ сквозь трубу, проведенную въ машину.

И лощманъ опять впивается въ даль, высматривая тамъ новыя опасности.

— Наша жизнь самая скучная, самая неприглядная Намъ лѣтомъ даже водки выпить нельзя.

— Такъ и не пьете?

— Такъ и не пьемъ. Потому — въ ней бѣсъ. Зимой за то отводимъ душу. Мы больше изъ Работокъ. Такое село на Волгѣ есть, слыхалъ-ли?

— Какъ-же, былъ тамъ.

— Лѣтомъ?

— Да.

— Это что! Ты къ намъ зимой приѣзжай, тогда весело. Лѣтомъ одиѣ бабы у насъ, да малыя дѣти. Кто въ судовщикахъ, кто въ лодманахъ, кто на пароходахъ матросомъ. Всѣ врозь. А зимой съ депьгами ворочаются, зимой пиры въ Работкахъ. Баба—и та пьяная ходитъ!

— Неужели у васъ бабы пьютъ?

— А для ча ей не пить? Дѣвка — и та веселѣй съ вина, а баба должна съ мужемъ въ согласіи жить. Мужъ пьетъ—и она пей. А лѣтомъ намъ не разгуляться. Одно слово, женатъ, а по пяти мѣсяцевъ бабы своей не видишь.

— За то другіе теперь около нея!—пошутить кто-то.

Лодманъ только усмѣхнулся.

— Нѣшто она не человѣкъ?—пояснилъ онъ, немного погодя;—Ей тоже требуется. Главное дѣло—зимой, чтобы хвостомъ не виляла. А лѣтомъ — сколько хошь; мы за это не въ обидѣ, тоже люди вѣдь!

— А какъ дѣтей напесетъ?

— Еще и того лучше, все работники въ домъ. Дѣти по матери вѣдь. Давай Богъ поболѣ такихъ батрачковъ. Выкормить у насъ есть чѣмъ, хватить, а вырастетъ — насъ кормить станетъ. На это мы добры. У насъ бабѣ лѣтомъ слободно. Въ Работкахъ бабу за ехидство бьютъ, ну, а за это—николи!

— А безъ битья нельзя?

— Обычай такой держится. И то хорошіе хозяева не бьютъ. А которые бѣдные, тѣмъ одна утѣха.

Терентій съ собою постоянно таскаетъ сына.

— Къ своему ремеслу приучаю.

Я присматривался къ этому приучиванью—и не разъ изумлялся. Дѣло въ томъ, что отецъ ничего не объясняетъ